

**РАССКАЗ А.П. ЧЕХОВА «СТУДЕНТ»
В КОНТЕКСТЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ:
ПУТЬ И ВСТРЕЧА, РАДОСТЬ И ВЕЧНОСТЬ**

В. В. Волков, Н. В. Волкова, И. В. Гладилина

Тверской государственный университет, г. Тверь

В статье на основе технологий филологической герменевтики предпринимается попытка интерпретации ключевых концептов рассказа А. П. Чехова «Студент»: Путь и Встреча, Радость и Вечность. Авторы утверждают, что рассказ знаменует собой переход творчества Чехова на новый этап: от доминанты уныния к поиску «полноты высокого смысла». Сюжет и концептосфера рассказа изоморфны евангельскому речению Христа «Я есмь путь и истина и жизнь». Финал рассказа, включающий ключевую лексику «радость», фиксирует архетипическую цель христианской жизни – снисхождение благодати.

Ключевые слова: филологическая герменевтика, секулярное, сакральное, православное мирозерцание, духовный реализм, мотив двоемирия.

Введение

Рассказ А. П. Чехова «Студент» (1894) можно квалифицировать как едва ли не вершинное произведение в рамках того художественного мирозерцания в истории русской литературы, которое ассоциируется с понятием «духовный реализм» – «художественный метод, сознательно или неосознанно облекающий феномены (христианской) веры в художественную форму» [10, с. 29], отражающий «двойное бытие» души как единство секулярного и сакрального (подробно в нашей работе: [8]). Рассказ отражает перелом в творческом пути Чехова. В 1903 году в одной из первых обзорно-обобщающих статей об эволюции творчества Чехова В. Альбов выделяет «два момента», два ключевых этапа в его художественном мирозерцании: если до рассказа «Студент» общий пафос чеховского творчества – «уныние, подавленность, отчаяние», то начиная со «Студента» – «слышится что-то новое, бодрое, жизнерадостное» [4, с. 103], главному герою рассказа, студенту духовной академии Великопольскому «первому из персонажей г. Чехова жизнь показалась “полною высокого смысла”» [Там же, с. 104].

В чем состоит этот (новый для чеховских персонажей) «высокий смысл» – жизненный и, скорее, *над-жизненный*? Истоки «высокого смыс-

© Волков В. В., Волкова Н. В., Гладилина И. В., 2025

ла» в рассказе заявлены открыто: они в проживании студентом Великопольским и его собеседницами – простыми крестьянками как предельно внутренне ощутимых тех событий Страстной пятницы, которые связаны с троекратным отречением Петра и последующим его раскаянием, когда Петр «вспомнил, очнулся, пошел со двора и горько-горько заплакал» [15, с. 308]. Вместе с Петром, пронзенные его горем, заплакали бабы, а студенту стало внятно: «Если старуха заплакала, то не потому, что он умеет трогательно рассказывать, а потому, что Петр ей близок, и потому, что она всем своим существом заинтересована в том, что происходило в душе Петра». И почему-то «радость вдруг заволновалась» в душе студента, а вскоре и вся «жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла» [Там же, с. 309].

Выходит, что рассказ – о живой духовной встрече с Петром и Христом. О том, как в результате меняется строй человеческой души.

Цель данной работы – в поиске ответа на вопрос: что произошло со студентом духовной академии Великопольским? В чем существо радикального изменения его внутреннего состояния – от уныния к (якобы беспричинной) радости?

Актуальность данного вопроса – не (столько) в необходимости свежего прочтения этого чеховского произведения в христианском контексте но (сколько) в том, что происшедшее с Великопольским, – может / «в идеале» должно произойти с каждым.

Метод исследования, как и в других наших работах (в частности: [7; 9; и др.]), – герменевтика художественного текста, существо которой сводится к «всматриванию» в семантику и функционирование ключевых слов.

Ключевые концепты рассказа: Путь, Встреча, Радость

Если выявлять ключевые смыслы рассказа Чехова через призму Евангелия, то основа прочтения искомых смыслов – в напутствии Господа ученикам во время Тайной вечери: «Иисус сказал ему: Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Ин 14: 6). Существо богословского толкования этого фрагмента: «...Христос говорит об Отце, как об истинной цели всех человеческих стремлений. Люди стремятся к вечной славе, в которой пребывает Отец, а Христос – есть путь, ведущий к этой высокой цели» [11, с. 448]. Сюжет чеховского рассказа структурно изоморфен содержанию Христова напутствия. Две части: Встреча героев рассказа с Христом, Радость во Христе.

1. Студент Великопольский на пути с охоты, вспоминая в Великую пятницу о страданиях Христа в такую же пятницу, встречается в поле двух простых крестьянок за поздним ужином у костра, которым рассказыва-

ет об отречении апостола Петра и его горьком последующем раскаянии. Евангельский события оживают – как в живой встрече с реальным страданием: «...Василиса вдруг всхлипнула, слезы, крупные, изобильные, потекли у нее по щекам, и она заслонила рукавом лицо от огня, как бы стыдясь своих слез, а Лукерья, глядя неподвижно на студента, покраснела, и выражение у нее стало тяжелым, напряженным, как у человека, который сдерживает сильную боль» [15, с. 308]. Что случилось? Случилась – Встреча. С Христом, строго по Его слову: «...ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф 18: 20). Встреча, преобразившая всех троих.

2. Существо изменения – в душе Великопольского. В особой Радости, с которой он продолжил свой путь, и в особом ощущении связи времен: «И радость вдруг заволновалась в его душе, и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух. Прошрое, думал он, связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого. И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой. <...> ...думал о том, что правда и красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле... <...> ...и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла» [Там же, с. 309]. Ключевое в этом состоянии – *радость*. Непреходящая радость, не зависящая ни от каких текущих жизненных тягот, по слову по апостола Павла – фессалоникийцам: «Всегда радуйтесь» (1Фес 5: 16); филиппийцам: «Радуйтесь всегда в Господе; и ещё говорю: радуйтесь» (Флп 4: 4). Евангелие, в том числе и пересказанная Великопольским история отречения Петра, – не (столько) о том, что было две тысячи лет назад, – (сколько) о том, что бытийствует в Вечности, а следовательно, пронизывает каждый день сиютекущей жизни – постольку, поскольку сиютекущее оказывается прикосновенным Вечности.

Время и Вечность: обыденное и сакральное

Оппозиция: время обиходное vs время сакральное – каузирует **вопрос об особом состоянии** человека-в-настоящем как (возможной для него) «точке входа / выхода» из состояния пребывания в обыденном времени – в Вечность.

Обыденное время – простая линия из прошлого в будущее, где, как говорили еще древние греческие философы, прошлого уже нет, а будущего еще нет, а следовательно, в обыденности нет ничего, кроме преходящего мгновения настоящего. Разъяснение блаженного Августина в его «Исповеди»: «Кто может застыть хоть на минуту, чтобы проникнуться

светом неизменяющейся вечности... <...> Что есть протяженность времени, как не последовательный ряд исчезающих и сменяющих друг друга мгновений? В вечности же этого нет: там все здесь и сейчас, там одно настоящее... <...> Но кто в состоянии понять эту неизменно пребывающую в настоящем вечность, которая, не зная ни прошедшего, ни будущего, творит из своего “сейчас” и прошедшее, и будущее?» [1, с. 585]. Рассказ «Студент» на свой лад отвечает на вопрошание Августина: вот они, оказавшиеся «в состоянии понять» / прочувствовать «пребывающую в настоящем вечность», – вот они, две обычные деревенские женщины, мать и дочь, и 22-летний студент Великопольский.

Сакральное время – синоним Вечности, где времени нет. Представить это трудно, – хотя бы потому, что если в Вечности нет времени, то, значит, в ней «одновременно» существуют все (обыденные) времена – от их начала в некоем «прошлом» до их завершения в каком-то «будущем». Обыденные «прошлое» и «будущее» равно *уже* произошли, но вместе с тем *еще не* произошли, ибо они – *есть* в Вечности.

Вечность в христианстве, как слитность мгновенного с вневременным, – это и основополагающее понятие, и живое «мирочувствование». По словам русского философа и богослова С.Н. Булгакова (1871–1944), специально занимавшегося этим вопросом, «...ты – вечен и только родился для времени, – оно в тебе, а не ты в нем, это ты <...> зришь прошлое и будущее из каждого мига настоящего. Время и вечность соотносительны: время не ощущалось бы в течении своем, не суммировалось бы из отдельных разорванных моментов, если бы этого не совершал сверхвременный *субъект* времени. Время соплагается вечности, есть не что иное, как вечность, простершаяся в бытие...» [6, с. 276]. Святой Иоанн Кронштадтский (1829–1908) разъяснял так: «Многие люди из христиан не верят, что, кроме времени, есть вечность непреходящая и, кроме мира сего видимого и преходящего, есть невидимый, непреходящий, бесконечный... <...> Два века определены Творцом для всякого человека: настоящий – краткий, приготовительный и будущий – вечный, духовный...» [13, с. 189]. Применительно к анализу художественного произведения ранее мы уже отмечали: когда в (обыденном) движении времени из прошлого в будущее «настоящее открывается в своей подлинности, именно как *настоящее*, то вся жизнь-во-времени прорывается из “горизонтального” движения в “вертикальное”, в вечность – в её единстве со здесь-и-сейчас, с настоящим, в котором оно (вечное) открывается как единство разных времен...» [7, с. 320]. Поясним подробнее.

Отношение, с одной стороны, текущего, обыденного времени, которое в своем безостановочном течении постоянно ускользает, – и, с другой стороны, Вечности, в-себе-самой (небездвижно) пребывающей, – это отношение антиномично. Существо этой антиномии как равнозначимо-

сти прямо противоположных явлений / утверждений: с одной стороны, подлинно бытийствует лишь (сакральная) *Вечность*, которая, по цитированному выше фрагменту прот. С. Н. Булгакова, «простирается в бытие», с другой стороны, явственно для (обыденного) человека лишь сияющее непосредственно переживаемое / наблюдаемое *время* повседневного существования. Эта антиномия может быть осмыслена через оппозицию бытия и существования. Человек в этом мире – существует (наличествует временно), в Вечности он – бытийствует (пребывает неизменно). В контексте этой оппозиции человек одновременно принадлежит двум мирам – временному и вечному. Первое для него явно, второе может быть (внутренним взором) усмотрено. Возможная аналогия: плоскость и объём. Существование – как плоскость (двумерная), ее основа – линия времени (одномерная), а бытие – это объём, когда к плоскостному существованию добавляется способность видеть «вертикальное» / «вечностное» измерение своего существования > бытия.

В этом контексте финал рассказа прочитывается как прикосновение студента Великопольского – к Бытию. Финал рассказа, характеризующий новое его состояние («...невыразимо сладкое ожидание счастья, неведомого, таинственного счастья овладевали им мало-помалу, и жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла»), раскрывается: «высокий смысл» (сияющей) жизни – в ее (возможной) приобщенности Бытию как живому ощущению пребывания в Вечности. Однословное христианское именование такого состояния – *Радость*.

К герменевтике *радости*

В чем существо той *радости*, которая «вдруг заволновалась в душе» студента Великопольского, когда он, оглянувшись на оставленный им «одиноким огонь» костра двух крестьянок, продолжил путь к своему дому, думая о том, что прошлое «связано с настоящим непрерывною цепью событий, вытекавших одно из другого»? Казалось ему, что «что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой». Дрогнули концы временной цепи – и радость, полная какого-то невыразимого «высокого смысла», ожила в душе. «Заволновалась в душе» – по видимости беспричинно, помимо воли и осознания, сама по себе, – неожиданный подарок?

Ответ на эти вопросы обнаруживается, во-первых, в особенностях семантики русского сущ. *радость*, во-вторых, в христианской традиции понимания феномена радости как важнейшей духовной ценности.

А. Б. Пеньковский, основываясь на сопоставлении / противопоставлении русских сущ. *радость* и *удовольствие*, фиксировал, что удовольствие «не мыслится вне каузативной связи» [12, с. 149], у удоволь-

ствия всегда есть некая очевидная для субъекта причина, причем эта причина прежде всего, преимущественно «чувственно-физиологическая», наглядно-предметная. Иными словами, источник удовольствия – не в самом субъекте, его испытывающем, но внеположен ему, что делает удовольствие «механичным» и «техничным», – в отличие от радости, которая «органична» субъекту, возрастает в нем самом, (по видимости) независимо от внешних воздействий. В русской поэтической картине мира, по точным замечаниям исследователя, «складывается и достраивается мифологический образ Радости как живущего на грани двух миров, земного и небесного», в христианской традиции радость «вочеловечивает небесное, принимаемое и постигаемое умным сердцем», радость – «одна из энергетических сил, которые образуют животворящую силу Святого Духа» [Там же, с. 151–153].

Радость носит (скрытый) межличностный и вместе с тем *внутри*-личностный и *над*-личностный характер, ее испытывает (вроде бы) сам человек – но всегда *вместе с кем-то*; радость «здесь», внутри субъекта, и одновременно – где-то «выше» и «дальше», радость связывает человека с тем, что / Кто незрим, но рядом, – в точности по слову Христа: «Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк 17: 21). Живая Радость позволяет открыться очевидности: Царствие Божие не «где-то» – далеко во времени и пространстве, а здесь – в тебе самом, и не «когда-то» – а сейчас, в это самое мгновение, – при условии, что твоя душа открыта для радости о Господе, для живого ощущения Его всеприсутствия.

Основание радости, по призыву пророка Иоиля, – это радость о Господе: «Радуйтесь и веселитесь о Господе Боге вашем» (Иоил 2: 23), – то есть радость о самом Его бытии и о своей Ему причастности. По удачному современному разъяснению энциклопедического православного сайта «Азбука веры», *радость о Господе* – это «духовно-сердечная удовлетворенность, следствие благодатной причастности к Богу, внешнее проявление любви к Богу и ближнему» [3], живой личностный опыт сопричастности Божию бытию.

Н. А. Бердяев – более подробно, но по существу о том же самом: «Сознание близости к Богу, сознание того, что мы – дети Божьи, а не рабы, есть психологическая подпочва моих религиозно-философских идей. <...> Религиозное мироощущение в последней глубине своей – радостно, хотя исходит из трагедии мира, имманентно непреодолимой. Мир имманентно взятый, натуральный мир – ужасен, безысходен, не может быть оправдан, но религиозная вера и есть прозрение трансцендентного исхода, преодоления, оправдания. Благодать – вот сущность религиозной жизни...» [5, с. 6]. Как видим, в цитированном фрагменте Бердяева *радость* синонимизируется с *благодатью*, которая в сакральном, христианском смысле – «...Божия помощь и защита, даруемые каждому христианину в его повседневной жизни» [14, с. 55].

Думается, именно этот «высокий смысл» ощутил в своей душе персонаж Чехова – студент Великопольский, к задаче его художественного воплощения пришел и сам А.П. Чехов в заключительный период творчества. Аналогичная задача в наши дни формулируется, в частности, как «антропологическая практика» радости, в рамках которой предстояние Богу – подобно чеховскому студенту Великопольскому – является основанием преобразования человека – в (подлинную) личность, ср. показательный фрагмент из современной работы по аксиологии культуры: «Основанием для преобразования из человека в личность выступает не просто человек, жертвующий / инвестирующий в развитие самого себя, свои предполагаемые способности, а человек, стремящийся к новому качеству себя под знаком выси / смысла, предстоя Богу и Другим» [2, с. 72]. Отсюда специфическая востребованность в наши дни Чехова – как истинно христианского писателя.

Заключение

Рассказ А.П. Чехова «Студент» – на переломе между двумя духовными состояниями его художественного мира: между унынием и радостью, ощущением бессмысленности окружающего, с одной стороны, на предшествующем этапе, и внутренней радостью на последующем – иными словами, на переломе от существования к Бытию. Это различие, видимо, архетипично для православного сознания. Святой Иоанн Кронштадтский мог бы, пожалуй, обратиться с этими словами и к Чехову, и к любому другому своему соотечественнику: «Жизнь твоя духовная видимо разделяется на два резко различающиеся между собой состояния: на состояние мира, радости, широты сердечной и на состояние скорби, страха и тесноты души» [13, с. 526]. Совершается этот переход, как свидетельствует чеховский «Студент», – в живом ощущении Божьего всеприсутствия.

Переход от уныния к радости – это выход / вход из настоящего – в Вечность. По художественному свидетельству Чехова, в обыденном настоящем мы можем оказаться сопричастными Вечности как единству / источнику всех времен. В рассказе «Студент» прикосновение его персонажей к Вечности – в обыденности холодного сельского вечера пятницы, но эта «обыденность» (ежегодной) Страстной пятницы воспринимается / осмысливается как (новое) повторение уже бывшего за многие века до сегодня, а значит – нисхождение *пре*-бывающего. Холодная ночь, гаснущий костер, люди вокруг него, возвращение из забвения Христа к Нему – всё как тогда, с Петром, две тысячи лет назад, хотя всё в обыденном «теперь» как-то по-другому. А душа перерождается / возрождается – так же, как и встарь.

Список литературы

1. Августин Блаженный. Об истинной религии. Теологический трактат. Минск: Харвест, 2011. 1280 с.
2. Агапов, О.Д. Радость бытия как антропологическая практика // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16. № 2. С. 66–73.
3. Азбука веры: [сайт]. URL: <https://azbyka.ru/radost> (дата обращения: 21.07.2025).
4. Альбов, В. Два момента в развитии творчества Антона Павловича Чехова // Мир Божий. 1903. № 1. С. 84–115.
5. Бердяев, Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. Санкт-Петербург: Издание М.В. Пирожкова, 1907. 235 с.
6. Булгаков, С.Н. Свет Невечерний. Созерцания и умозрения. Санкт-Петербург: Изд-во Олега Абышко, 2008. 640 с.
7. Волков, В.В. Аксиология времени в поэзии П.А. Вяземского (к герменевтике настоящего) // Пушкинские чтения – 2021. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст / Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина. Санкт-Петербург, 2021. С. 318–328.
8. Волков, В.В., Волкова, Н.В. Духовный реализм как единство секулярного и сакрального в поэтическом творчестве иеромонаха Романа (Матюшина-Правдина) // Вестник славянских культур. 2022. № 63. С. 234–246. DOI: 10.37816/2073-9567-2022-63-234-246.
9. Волков, В.В., Волкова, Н.В. «Чтобы чаще Господь замечал...» (Купола в поэзии П.А. Вяземского и В.С. Высоцкого) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 4. С. 974–979. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil210168>.
10. Волков, В.В., Волкова, Н.В., Гладилина, И.В. Герменевтика смерти и вопрос о специфике танатологических мотивов в русской поэзии духовного реализма // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2024. № 3(82). С. 29–41. DOI: 10.26456/vtfilol/2024.3.029.
11. Лопухин, А.П. Толковая Библия, или Комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: в 12 т. Т. 9. Петербург: Бесплатное приложение к журналу «Странник», 1912. 504 с.
12. Пеньковский, А.Б. *Радость и удовольствие* в представлении русского языка // Логический анализ языка. Культурные концепты. Москва: Наука, 1991. С. 148–155.
13. Симфония по творениям святого праведного Иоанна Кронштадтского. Москва: Дарь, 2007. 768 с.
14. Складневская, Г.Н. Словарь православной церковной культуры. Москва: Астрель, 2008. 447 с.
15. Чехов, А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 8. Москва: Наука, 1985. 528 с.

**A. P. CHEKHOV'S STORY "THE STUDENT" IN THE CONTEXT
OF PHILOLOGICAL HERMENEUTICS:
THE WAY AND THE MEETING, JOY AND ETERNITY**

V. V. Volkov, N. V. Volkova, I. V. Gladilina

Tver State University, Tver

Based on the technologies of philological hermeneutics, the article attempts to interpret the key concepts of Anton Chekhov's short story "The Student": the Path and the Meeting, Joy and Eternity. The authors claim that the story marks a transition in Chekhov's work from the dominant despondency to the search for "fullness of high meaning". The plot and conceptual scope of the story are isomorphic to the evangelical statement of Christ: "I am the way, the truth, and the life". The ending of the story, which includes the key lexeme "joy", reflects the archetypal goal of Christian life: gaining grace.

Keywords: *philological hermeneutics, secular, sacred, Orthodox worldview, spiritual realism, the motif of dualism.*

Об авторах:

ВОЛКОВ Валерий Вячеславович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Volkov.VV@tversu.ru.

ВОЛКОВА Наталья Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Volkova.NV@tversu.ru.

ГЛАДИЛИНА Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Gladilina.IV@tversu.ru.

About the authors:

VOLKOV Valery Vyacheslavovich – Doctor of Philology, Professor at the Department of Russian Language, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: Volkov.VV@tversu.ru.

VOLKOVA Natalya Vasilyevna – Candidate of Philology, Associate Professor at the Department of Philological Basics of Publishing and Literary Creation, Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), e-mail: Volkova.NV@tversu.ru.

GLADILINA Irina Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language, Tver State University, (170100, Tver, Zhelyabova str., 33), e-mail: Gladilina.IV@tversu.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 23.08.2025 г.

Дата подписания в печать: 15.09.2025 г.